

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИ РАКУРСИ

ЛИНГВО
ДИДАКТИЧЕСКИ
РАКУРСИ

Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

Лингводидактически ракурси

Linguodidactic Perspectives

Лингводидактически ракурси

Linguodidactic Perspectives

Съставители / Editors

Димитър Веселинов / Dimitar Vesselinov

Милена Йорданова / Milena Yordanova

София • 2020

Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

Редакционен съвет:

Димитър Веселинов – Софийски университет „Св. Климент Охридски“ (България) – председател; Михаил Виденов – Българска академия на науките (България); Сурен Золян – Арменска академия на науките (Армения); Бауыржан Ердембеков – Актюбински регионален държавен университет „К. Жубанов“ (Кazahстан); Морис Нивез – Университет в Бордо (Франция); Милена Йорданова – Софийски университет „Св. Климент Охридски“ (България) – научен секретар

Editorial Board:

Dimitar Vesselinov – Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Bulgaria) – Editor-in-Chief; Mihail Videnov – Bulgarian Academy of Sciences (Bulgaria); Suren Zolyan – Armenian Academy of Sciences (Armenia); Bauyrzhan Erdembekov – K. Zhubanov Aktobe Regional State University (Kazakhstan); Maurice Niwese – University of Bordeaux (France); Milena Yordanova – Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Bulgaria) – Associate Editor

*Изданието се осъществява в рамките на проект № 80-10-67/10.04.2019
по научноизследователска дейност при Софийския университет
„Св. Климент Охридски“.*

© 2020 Димитър Веселинов, Милена Йорданова, съставители

© 2021 Антонина Георгиева, дизайн на корицата

© 2020 Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

ISBN 978-954-07-4982-2

СЪДЪРЖАНИЕ

<i>Димитър Веселинов. Методиката на чуждоезиковото обучение в Софийския университет</i>	9
<i>Елена Иванова. Обобщенно «човек» в българско-руском паралелном корпусе</i>	48
<i>Асемгуль Молдажанова, Гулияш Ниязова, Эльдар Копишев. Инструменти обезпечения качества образовательной программы (на примере программы «Социальная педагогика и самопознание»)</i>	64
<i>Людмила Карпенко. Обучение иностранному языку как освоение нового языкового мира</i>	74
<i>Тодор Шопов. Творчество и новаторство в съвременното обучение по втори език</i>	85
<i>Сийка Чавдарова-Костова. Социално включване и приобщаващо образование на търсеци убежище и бежанци чрез обучение по български език</i>	93
<i>Merey Balabekova, Darina Amanbekova, Shara Mazhitayeva. Borrowings as a result of language convergence</i>	105
<i>Irena Kristeva. Archeologia dell'interpretazione: la Scuola filologica di Lilla</i>	116
<i>Мариана Георгиева. Емотивните междуметия като протопредикати</i>	125
<i>Татяна Ангелова. Самооценка на подготовката по методика на учителя по език (с оглед на подготовката на учителя българист)</i>	133
<i>Милена Йорданова. Приносът на Хюсеин Махмудов за развитието на методиката по турски език в България</i>	145
<i>Данаил Данов. Комуникация и обучение</i>	156
<i>Мая Василева. Относно билингвалното обучение по география</i>	164
<i>Елена Савова. Развиване на преподавателски умения за използване на оригинални художествени текстове в чуждоезиковото обучение</i>	173
<i>Jeanna Kristeva. Les stéréotypes ethniques à travers le prisme des séquences comparatives figées du français et du bulgare</i>	188
<i>Елия Маринова. Езоповите басни в българските възрожденски учебници</i>	195
<i>Ирина Саръиванова. За мястото на анекдотите в османски граматика, учебници и сборници с текстове на османски език (XIX–XXI в.)</i>	205
<i>Мартин Хенцельманн. Современная проблема стандартизации языка буневцев в Сербии</i>	214
<i>Весела Славова. Удовлетвореността на обучаемите в контекста на смесено чуждоезиково обучение</i>	224
<i>Светлана Димитрова-Гюзелева. „Обратната страна“ на межкултурната комуникативна компетентност</i>	235

<i>Христина Белева, Екатерина Софрониева.</i> Когнитивни и метакогнитивни стратегии за учене на втори език и умения за осъществяване на писмена комуникация от студенти педагози	251
<i>Antoaneta Mihailova.</i> Verlust der Kindheitslandschaft Sarmatiens in den Werken von Johannes Bobrowski und Elias Canetti	261
<i>Весела Белчева, Свилен Станчев.</i> Образователна мисия на учебните помагала по немски език в България в началото на XX в.	273
<i>Янка Коева.</i> Обучението на учители – университетски и образователни ракурси	281
<i>Весела Чергова.</i> Място на транскрипцията и транслитерацията в чуждоезиковото обучение	292
<i>Гинка Механджийска.</i> Ролята на преводача в социалната работа с бежанци и мигранти – методическа и психосоциална перспектива	305
<i>Galina Starchenko, Tatyana Zhmailo.</i> Man and Nature in Stories of Vsevolod Ivanov	315
<i>Мария Пунева.</i> Художественият превод: между културната мисия и комерсиализацията	324
<i>Борис Вунчев.</i> Видообразуването в новогръцкия език – морфологична рамка за разработка на система от упражнения	330
<i>Ирена Станкова.</i> Човекът в досократическата гръцка философия и медицина	342
<i>Красимира Петрова, Джъстин Чън.</i> Прецедентные собственные имена в русских и болгарских анекдотах	350
<i>Красимир Стоянов.</i> Типични трудности и грешки при усвояването на етнонимите в чуждоезиковото обучение	363
<i>Хилда Терлемезян.</i> Намалвяване на съпротивата на учителите по английски език за прилагане на иновации	371
<i>Бисерка Велева.</i> Лингводидактически особености при обучение на студенти от специалност „Международни отношения“ по немски език	381
<i>Димитър Веселинов, Милена Йорданова, Анатоли Дешев.</i> Модел на плурилингвално обучение в мултилингвална и мултикултурна среда	395
<i>Анастасия Мосинец.</i> Русские переводческие соответствия болгарских презумптивных форм	405
<i>Зарина Маркова</i> Професионалните знания на бъдещите преподаватели по чужд език: проблемът за знанията и убежденията	410
<i>Иван Тенев.</i> Интернационалната лексика в обучението по съвременен норвежки език (<i>букмол</i>)	420
<i>Даниела Витанова.</i> Специфики на юридическия испански език и дидактически насоки за усвояването му	432
<i>Елена Стойнева.</i> Някои формални и семантични особености на шведските сложни съществителни имена в контекста на чуждоезиковото обучение	447

<i>Katerina Hristozova. Diplomacy and Politeness – Politeness Strategies in Diplomatic Letters of Congratulations</i>	457
<i>Penka Hristova. Trends in Foreign Language Learning in the EU Strategic Documents: from a Goal to an Instrument of European Identity</i>	466
<i>Глория Бакърджиева. За четенето като основно езиково умение и учебна дейност у Квинтилиан</i>	477
<i>Радияна Дринова. Учител по чужд език – стратегии и компетентности</i>	488
<i>Mirela Alhasani, Dimitar Vesselinov. Contemporary Politics of Multilingualism and its Impact on Democratic Consolidation of an Enlarged European Union</i>	500
<i>Рая Живкова-Крунева. Модул от обучителни дейности и техники за усъвършенстване на интеркултурната компетентност в традицията на CLIL в съвременната лингводидактика</i>	509
<i>Павел Филипов. Динамичните взаимоотношения между руските писатели през XIX в.</i>	519
<i>Oleg Aleksandrov. Typische Fehler Bulgarischer Deutschlernender bei der Schriftlichen Textproduktion – eine qualitative und quantitative analyse</i>	524
<i>Магдалена Маркова. Интерактивност и компетентност в ученето и общуването на чужд език</i>	533
<i>Mihal Pavlov. La metáfora, la metonímia y las abreviaturas en la esfera de la mecánica del automóvil en español, inglés y búlgaro</i>	543
<i>Николина Искърва. Концептуален модел на компютърни игри за ранно чуждоезиково обучение</i>	549
<i>Mirela Alhasani, Milena Yordanova. Measuring Achievement of the Formula ‘Mother Tongue + Two’ – a Need to Improve Foreign Language Proficiency in Europe?</i>	559
<i>Цветанка Дилкова. Изучаването на английски език в академична среда</i>	569
<i>Dimitrios Galanos. Die besonderen Merkmale des Griechischen Bildungssystems</i>	576
<i>Сирма Костадинова. Културните специфики – препятствие или стимул в обучението по персийски език на български студенти</i>	586
<i>Reneta Valkova. Evaluating the ESP Learners’ Cognitive and Affective Activation in Multimedia Integrated Language Learning</i>	594
<i>Ioannis Sotiriadis. Second Chance Schools within the Framework of Greek Educational System</i>	605
<i>Nikos Filipu. The Lack of Motivation in High School Students</i>	615
<i>Калин Василев. Рецептивните умения слушане и четене с разбиране при изучаване на новогръцки език от курсисти нефилолози – анализ на грешки</i>	624
<i>Искра Добрева. „Грешката е вярна“ – балкански елементи в писмената и устната реч на български студенти, изучаващи чужд език</i>	633
<i>Свидна Михайлова. Табуирана лексика и цензура в преводите на „Дон Кихот де ла Манча“ от Тодор Нейков</i>	644

<i>Мария Миланова.</i> Езиковият репертоар на българските арменци	654
<i>Светла Терзиева.</i> Използването на електронни ресурси в обучението по български език и литература в 3. и 4. клас – средство и възможност за формиране на умения за работа с текст у учениците от началния етап	664
<i>Гульнар Тохметова.</i> Включение депортированных народов в Стахановское движение в годы Великой отечественной войны (на примере Павлодарской области)	675
<i>Диян Желязков.</i> „Тълкование неудобь...“ или Втори Новгородски глосар от 1431 г. – най-старият речник, съдържащ старобългарски думи	681
<i>Таня Манолова.</i> Анализ на грешките при изучаване на английски език като първи чужд език в 8. клас	695

ОБОБЩЕННОЕ «ЧОВЕК» В БОЛГАРСКО-РУССКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ

Елена Иванова¹

Известно, что одним из способов выражения обобщенно-личного значения в болгарском языке являются предложения с десемантизированным существительным *човек* (далее *човек_{об}*), напр.:

(1) а. *Непоносимо е да го носи човек.* ‘Страшно носить такое в душе’ [1]².
б. *Нима е толкова трудно да се досети човек защо повечето от противовирусните ваксини са неефикасни? ‘Неужели так трудно понять, почему большая часть противовирусных вакцин так неэффективна?’ [3].*

В данной статье будут представлены результаты анализа обобщенно-личных употреблений лексемы *човек* на материале корпуса параллельных болгарских и русских текстов³. Общий объем выборки составляет 160 предложений с *човек_{об}* из болгарских текстов и аналогичное количество русских контекстов. Целью исследования является установление русских функциональных соответствий предложениям с *човек_{об}*, исходя из сопоставления грамматических и семантических характеристик исследуемых конструкций.

Статья строится следующим образом. В первой части кратко представим набор средств выражения обобщенноличности, а также охарактеризуем особенности *човек_{об}* в болгарском языке, в том числе его референциальные и семантические характеристики, выводимые, в частности, из нашего материала. Вторая часть содержит описание переводческих решений, затем следует анализ полученных результатов.

1. Предложения с десемантизированным *човек* как способ выражения обобщенно-личного значения в болгарском языке

1.1. Обобщенность лица и способы ее выражения. Обобщенно-личное значение здесь будем понимать, вслед за А. В. Бондарко, как «соотнесение ситуации, лишенной конкретной референции (ситуации повторяющейся, обычной или «вневременной») и ее участников с обобщенным классом лиц,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор. e.y.ivanova@spbu.ru

² Данные об источниках примеров и авторстве переводов см. в списке источников иллюстративного материала. Цифра в квадратных скобках указывает на номер источника.

³ Успореден корпус на руски и български текстове (<http://rbcorpus.com/index2.php>), Параллелен русско-болгарски корпус (<http://ruscorpora.ru/search-para-bg.html>).

включающим говорящего: а) как носителя своего опыта или б) как человека, представляющего и разделяющего (нередко предполагается: вместе со слушающим) опыт и суждения обобщенного (вплоть до масштаба «люди вообще») класса лиц» (Бондарко 1991: 10).

Предложения, выражающие обобщенно-личное значение, как известно, не составляют синтаксически цельного класса. Наиболее типичными их представителями и в русском, и в болгарском языке считаются односоставные предложения со сказуемым во 2 лице (рус. *Любишь кататься, люби и саночки возить*, болг. *Лесно е да говориш, но мъчно е да го сториш*). Ту же семантику приписывают и другим структурным разновидностям, см. для болгарского языка (Велева 1988; Николова 2006 и др.). В русской лингвистике к обобщенно-личным обычно причисляют односоставные предложения с 1 лицом мн. ч. сказуемого (*Что имеем – не храним, потерявши – плачем*), двусоставные предложения с эксплицитным подлежащим-местоимением 1 и 2 лица в обобщенном значении (*Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей*) (Бондарко 1991; Булыгина, Шмелев 1997; Князев 2014 и др.), а также инфинитивные структуры типа *Картину можно видеть от входа* (Падучева 2012: 27)⁴.

В любом случае обобщенно-личное предложение – это особый «класс предложений с разнородным набором подразумеваемых и эксплицитных подлежащих» (Падучева 2012: 36). При всей его синтаксической разнородности, он «все-таки един в том, что его подразумеваемый, а иногда и синтаксически выраженный, субъект – это не просто ‘все’, а ‘Я и такие, как Я’» (Падучева 2012: 28).

Действительно, во всех структурных разновидностях обобщенно-личного предложения всегда присутствует субъект оценки, генерализующий свой личный опыт. Эта включенность (а не отстраненность) говорящего является важным отличием обобщенно-личных предложений от неопределенно-личных, что отмечается во всех исследованиях этих типов предложений. Иначе говоря, имеется различие в фокусе эмпатии: при 3 л. всегда налицо отчуждение от субъекта (*Когда любят – не стыдятся*, взгляд «со стороны»), а при 2 л. (*Когда любишь – не стыдишься*) автор судит «изнутри и при этом рассчитывает на понимание и сочувствие читателя» (Булыгина, Шмелев 1990: 59–60).

1.2. Грамматические и коммуникативные свойства существительного *човек* в обобщенно-личном значении. Основные свойства *човек_{об}* были описаны в болгаристической литературе еще в статье (Москова-Еленска

⁴ Обзор концепций русских и болгарских лингвистов предшествующего периода по поводу объема понятия обобщенно-личного предложения дан в публикации (Николова 2006) – наиболее значительном исследовании обобщенноличности в сопоставительном (болгарско-русском) аспекте.

1978), которая до сих пор остается самым подробным описанием данного типа предложений. В этой работе было показано, что для *човек_{об}* характерны:

1) всегда неартиклевая форма *човек* и неспособность связываться с дейктическими элементами;

2) отсутствие при нем каких-л. распространителей и подчиненных предикаций;

3) невыделенность коммуникативная и смысловая, ср. коммуникативно выделенное подлежащее *Човек минава по улицата* как результат инверсии рематического компонента при исходной структуре *По улицата минава човек* и обобщенно-личное *Човек_{об} не може да мине по тая улица, без да нагази в някоя локва*;

4) позиционное «безразличие» этого элемента по отношению к другим членам предложения, при этом варианты расположения *човек_{об}* не связаны с различиями в коммуникативно-информационной структуре, ср. ряд из (Москова-Еленска 1978: 135): *Човек може да се задуши в тая стая. – В тая стая може да се задуши човек. – Може човек да се задуши в тая стая. – Може да се задуши човек в тая стая.*

Тем самым десемантизированное *човек* в основном хорошо отличимо от семантически полной лексемы *човек* практически во всех референциальных типах употребления. Приведем примеры этому из нашего корпуса, используя классификацию референциальных статусов Е.В. Падучевой (1985: 87–100). В (2а) представлено референтно-определенное употребление существительного *човек*, которое легко дифференцируется от *човек_{об}* прежде всего благодаря артиклевой маркированности. В (2б) дано нереферентное экзистенциальное *човек*, при котором объект не индивидуализирован из множества денотатов, а в (2в) – предикатное употребление, при котором нет соотносения с денотатом, а предикаруется свойство. Предикатным является и употребление (2г) при глаголе трансформации. Важно также, что приведенные недесемантизированные употребления лексемы *човек* встречаются в разных синтаксических позициях, что для *човек_{об}* несвойственно.

(2) а. *Часът е точно три, когато човекът се задава отъдно* [5]. б. *Посочете ми тогава човек за техническа помощ* [5]. в. *Сеймур е богат човек* [4]. г. *Не знам дали си струва да се превърнеш от лебед в човек* [1].

Обычно не представляет трудностей и разграничение *човек_{об}* и родового (генерического)⁵ употребления *човек* благодаря тому, что подлежащее в родо-

⁵ В классификации Падучевой родовые именные группы – вариант нереферентных именных групп, т.е. не соотношенных с индивидуализированным денотатом, «не выбранных» из множества объектов подобного рода (Падучева 1985: 94–98). При родовом употреблении существительное соотносится с типичным либо эталонным представителем класса. В болгаристике родовые употребления чаще называются генерическими.

вом употреблении, обозначающем человека как представителя класса людей, требует артиклевой формы:

(3) а. *Човекът е неблагодарно животно* [1]. б. *А човекът убива, като потъпка собствените си критерии или тия на своя бог...* [6].

Тем не менее генерические употребления *човек* могут встречаться и в безартиклевой форме и тогда плохо дифференцируются от *човек_{об}*. Об этом упоминает и Москова-Еленска при рассмотрении вариативности в артиклевом маркировании генерического *човек* в условиях высказывания общезначимых истин. Она указывает, что толкование таких конструкций, как *Човек може да стане жертва на алергията на всяка възраст* («Паралели») должно опираться и на контекст, и на стилевую принадлежность речи: научные истины, констатации влекут генерическое прочтение ('человек вообще'), а при употреблении «в разговоре, по конкретному поводу, когда в объем понятия *човек* говорящий активно включает и самого себя, и слушающего, они [эти конструкции] выражают уже обобщенно-личное значение» (Москова-Еленска 1978: 132). Тем не менее, как признает автор, при высказывании общих истин грань между употреблениями часто стирается.

Действительно, проблема дифференциации родового (генерического) и обобщенно-личного употребления *човек* остается значимой, в частности, для нашего корпуса, т.е. для текстов художественной литературы, где безартиклевые формы *човек* могут включаться в общие сентенции, рекомендации.

Типичные случаи родового употребления выявляются легко, как в известной фразе Доротей из «Барьерата»: *Но човек може да лети само нощем, и то рядко*, где *човек* соотносится с представителем класса людей, – иного, чем птицы. *Примеры, где родовое толкование однозначно или превалирует, мы исключаем из рассмотрения.* Тем не менее трактовка некоторых употреблений *човек* как родовых ('человек как представитель класса') или универсальных (со скрытым квантором универсальности 'всякий / каждый / кого ни возьми', что приближает их к значению *човек_{об}*), при высказывании общезначимых истин не всегда может быть убедительно обоснована, как в примере (4). Такие контексты мы привлекли к анализу как дополнительные, признавая их референциальную нечеткость, см. раздел 2.4. Далее мы увидим, что все они переведены на русский язык лексемой *человек*, не имеющей, в отличие от *човек_{об}*, признаков грамматикализации:

(4): ... *Човек е свикнал да цени нещо само когато съществува опасност да го загуби* ... 'Человек часто ценит что-то лишь тогда, когда существует опасность потерять это «что-то»' [6].

1.3. Возможности денотативного объема *човек_{об}*. Как и другие средства выражения обобщенноличности, *човек_{об}* в конкретном контексте может соотноситься с разным объемом лиц. Какие результаты дает здесь наш корпус?

1.3.1. Подавляющее большинство употреблений *човек_{об}* имеют обобщенного, неконкретного референта, толкуемого как ‘всякий/любой человек, в том числе говорящий’, см. примеры (1) выше, как и многие другие.

Случаи, когда в объем денотатов *човек_{об}* включается, помимо других людей, не говорящий, а адресат, связаны с задачей чужой речи, как в примере (5), где Доротея («Барьерата») недоумевает, узнав о существовании странного запрета, лично ее не касающегося:

(5) <Като се прибрах у дома, намерих я опулена от страх.> Тя не разбираше какво е това събрание, от което да не може да излезе **човек**. ‘Она не понимала, почему с собрания нельзя уйти’ [1].

1.3.2. Реже *човек_{об}* подразумевает не любого человека, а всякого, входящего в некоторую группу лиц, т.е. используется в значении ‘такие, как я; мы, принадлежащие одной группе’. Объем группы очерчивает контекст, напр., в (6а) это люди определенной профессии, в (6б) – потенциальные авторы литературного журнала:

(6) а. Но, Майкъл, вие знаете какво представлява нашата професия. **Човек** рядко е свободен да действую според личните си желания. ‘Но, Майкл, вы же знаете, какая у нас профессия: человек нечасто может действовать в согласии со своими личными желаниями’ [6].

б. В литературно списание **човек** може да фантазира, колкото си иска, стига в основата да лежат действителни или възможни факти. ‘А в литературном журнале можно фантазировать сколько угодно, лишь бы в основе лежали действительные или вероятные факты’ [3].

В (7) генерализация позволяет смягчить откровенность желания самого говорящего, присоединяя к нему и других лиц той же гендерной принадлежности:

(7) Ти си тъй предизвикателна в тоя тоалет, че просто изкушаваи **човек** да го попиша. ‘У тебя такой вызывающий вид в этом платье, что человеку трудно удержаться от искушения потрогать тебя’ [5], см. и (10а).

1.3.3. Редкие примеры содержат *човек_{об}*, непосредственно соотнесенное с говорящим, т.е. ‘прежде всего я, но, возможно, и всякий другой, кто оказался бы в такой же ситуации’. В таких случаях, как в примере (8), в условной конструкции с подчинением клаузы с перволичным субъектом, *човек_{об}* носит наиболее формальный, семантически опустошенный характер. В переводе эта соотнесенность представлена более эксплицитно:

(8) Дори беше малко смешно да я гледа **човек**, ако не знаех колко е сериозно. ‘Наблюдать за ней было забавно, но я не смеялся, зная, насколько это серьезно’ [1].

Поэтому встроенность предикации с *човек* в синтаксический контекст перволичного повествования и позиционно близкая соотнесенность с предикацией, содержащей 1 л. субъекта, имеет существенное значение для толкования высказывания как имеющего смещенный фокус эмпатии на говорящего.

Пример (9) из русско-болгарского корпуса, где генерализация глубоко личного опыта героини (каким способом можно удержать слезы) вынесена в отдельную предикацию, уже менее отчетливо различим с вариантом «группового» толкования (1.3.2). То, что это повествование в 3 л., имеет второстепенное значение, т.к. третьеличный персонаж здесь является эмпатическим.

(9) *Слегка так кивнула. Потому как сильно не кивнешь. <.....> И еще надо на вершины деревьев смотреть и сильно головой не кивать, когда надо слезы на кончиках ресниц удержать. Так что она даже и не кивнула, а больше видом показала, что да, подругами были. А глаза – выше и в сторону. И знает, что если вот он ее сейчас возьмет легонько и прижмет к своему плечу, вот уж тогда на этом плече она и расплачется.* ‘Съвсем лекичко кимна. Защото силно не може да кимне.. <.....> **Човек винаги трябва да гледа върховете на дърветата и да не кима силно с глава, когато трябва да удържи сълзите на крайчетата на миглите си.** Така че тя дори не кимна, а само с външния си вид показа, че да, бяхме приятелки. А очите – още по-нагоре и настрана. И знае, че ако той сега я прихване лекичко и я притисне до рамото си, на това рамо тя ще се разплаче’ [11].

Так или иначе, *човек_{об}* может быть соотнесено с разными по объему классами лиц, однако при общем условии включенности в этот опыт и говорящего (повествователя), т.е. демонстрирует в той или иной мере *инклюзивность* говорящего (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 118), что является характерной особенностью обобщенно-личного значения. Другое дело, что степень этой инклюзивности, т.е. соотношение между компонентами ‘всякий человек’ и ‘я’, при *човек_{об}* значительно смещено в направлении к кванторному значению, см. иные возможности для форм 2 л., напр. в (Зализняк 2012; Князев 2014). Сопоставление этих средств обобщенности, само по себе важное и необходимое, не может быть рассмотрено в рамках данной статьи.

2. Русские соответствия *човек_{об}*: описание переводческих решений

Основным анализируемым материалом является выборка, составляющая 114 употреблений из БРПК *човек_{об}*, включая случаи с затрудненной дифференциацией от родового употребления *човек*, см. 2.4. Вторая выборка из РБПК (46 употреблений) является проверочной, ее целью была корректировка или подтверждение результатов первой выборки: извлекались контексты из болгарских переводов, в которых болгарский переводчик реагировал на ту или иную конструкцию русского оригинала с помощью *човек_{об}*. Эта выборка, как видно из Таблицы 1, в целом подтверждает результаты выборки из БРПК. Примечательно, что материал из РБПК, включающий только дифференцированные случаи *човек_{об}*, не обнаруживает контекстов, где *човек_{об}* явилось бы переводным эквивалентом рус. *человек* (см. нуль в столбце 4), что доказывает различие функций и референциальных возможностей этих лексем в сопоставляемых языках.

Таблица 1. Русские соответствия *човек_{об}*

	1	2	3	4	5	6	7
	Безл. и безлично- инфинит. конструк- ции	Формы 2 л. (гла- гольные и местои- менные)	Неопред. мест.	Лексема человек	Транс- форма- ции	Формы 3 мн.	Всего
БРПК	60	14	3	26	11	0	114
РБПК	36	2	2	0	4	2	46
Итого	96	16	5	26	15	2	160

Рассмотрим подробнее основные переводческие решения. Контексты, включающие значительные трансформации (столбец 5), в данной статье в связи с ограничением объема не анализируются.

2.1. Безличные и безлично-инфинитивные конструкции. Как следует из статистики переводческих решений в БРПК, представленной в Таблице 1, основным приемом передачи обобщенно-личного *човек* являются безличные структуры, в основном, с инфинитивными группами. Зафиксировано несколько разновидностей.

2.1.1. Модально-безличный предикатив (*можно, нельзя, невозможно, надо*) или **безличный модальный глагол** (*приходится, сто́ит*) с последующей инфинитивной группой. В оригинальном тексте таким конструкциям соответствует высказывание с подлежащим *човек_{об}* и модальным глаголом с да-конструкцией. Типы модальности здесь разнообразны, напр. (10):

– внешняя невозможность: (10а) *Човек никога не можеше да разбере какво точно жените търсят, предпочитат или обичат у мъжа. ‘Никогда нельзя понять, что именно женщины ищут, предпочитают и любят в мужчине’* [10];

– внешняя возможность: (10б) *Мъглата е такава, че човек може да прави всичко, каквото му дойде наум. ‘Туман сейчас такой, что можно сделать все, что придет в голову’* [8];

– внешняя необходимость: (10в) *Но човек трябва доста да се взира, за да ги различи. ‘Но чтобы их обнаружить, надо хорошенько присмотреться’* [4];

– внутренняя возможность: (10г) *Човек би помислил, че си главен акционер във фирмата. ‘А то можно подумать, что ты главный акционер фирмы’* [10].

Модально-инфинитивные конструкции выступают как основной⁶ эквивалент болгарских предложений с *човек_{об}* с модальным значением, т.к. подразу-

⁶ В работе А. Николовой (2006: 191) утверждается, что в русском переводе повести П. Вежинова «Барьерата» преобладают соответствия с инфинитивной формой. Это не совсем точно. Судя и по примерам А. Николовой, преобладают конструкции с модальным предикативом (имеющим зависимую инфинитивную группу). Именно модальный безличный предикатив (а не зависимый инфинитив) выступает как эквивалент модальных конструкций с обобщенным *човек*. См. иную структуру в 2.1.2.

меваемый субъект, будучи не выраженным ни в модальной, ни в инфинитивной частях, может истолковываться обобщенно-лично, как 'всякий человек, в том числе говорящий', ср. (*Тестелец 2001: 288–290*).

2.1.2. Немодальные предикативы, вводящие инфинитивную клаузу, которой соответствует придаточное с *човек*. Среди немодальных предикативов зафиксированы (перечислим здесь лишь русские эквиваленты) лексемы с семантикой внутреннего состояния (*страшно, тяжело, невыносимо*), общей оценки (*нехорошо, негоже, грешно*), оценки значимости или уместности/неуместности (*главное, предпочтительнее, лучше*). Сюда же отнесем и единичные конструкции типа *нечего терять*, где инфинитив подчинен предикативному местоимению (Падучева 2017). Эти русские эквиваленты, вводящие инфинитивное придаточное, соответствуют аналогичным болгарским предикативам, вводящим *да*-конструкцию с подлежащим *човек*_{об}.

(11) а. *Непоносимо е да го носи човек*. 'Страшно носить такое в душе' [1].

б. *Поне нощта бе истинска, силна, трагична, не е толкова страшно да загине човек в такава нощ*. 'Хорошо хоть, что ночь в этот раз настоящая – могучая, трагическая, в такую ночь не страшно погибнуть' [2].

в. *Всичко се плаща на тоя свят и е глупаво човек да купува на цена, която нито може, нито желае да плати*. 'В этом мире за все надо платить, и глупо покупать что-нибудь по цене, которую ты не можешь и не желаешь давать' [3].

г. *Няма нужда да мисли за връщането. Пък и не е нужно да се връща, важното е да се движи човек нанякъде, все едно накъде*. 'И нечего беспокоиться о возвращении – главное, куда-нибудь двигаться, все равно куда' [3].

д. *На тая възраст какво повече може да загуби човек?* 'В моем возрасте терять уже нечего' [3].

Невыраженный субъект инфинитивной предикации в рассматриваемых русских конструкциях кореферентен носителю состояния или субъекту оценки, который в главной части тоже не эксплицирован. В таком случае в русском языке, как показала Е.В. Падучева, возможно двойное толкование. Так, предложение *Жаль братъ начатую работу* может быть истолковано или с конкретной референцией к говорящему 'мне сейчас жаль' или с обобщающим значением 'мне, как и тебе, и всякому на моем месте' (2012: 38). Но все же в болгарском языке при невыраженности субъекта главной части (т.е. при отсутствии дативной клитики, которая несет указание на субъекта состояния или оценки), не всегда очевидно, что имеется кореферентность невыраженного субъекта главной предикации и подлежащего *човек* в придаточной. Особенно это касается предложений с оценочными предикативами. Так, в примере (11в) вне широкого контекста неясно, кто является субъектом мнения, вводимого предикатом *глупаво е*: является ли это мнение генерализацией личного опыта говорящего, включает ли говорящий себя в число тех, которые делают Р или это рекомендации по поводу действий других лиц. Контекст обычно снимает эту неоднозначность.

2.1.3. Подчиненные инфинитивные группы, вводимые союзами условия, цели, времени. Как известно, в русском языке возможны подчиненные инфинитивные предикации, вводимые ограниченным количеством подчинительных союзов (Падучева 2017, 2018). В нашем материале из них представлены союзы *если, чтобы, стоит только*, вводящие инфинитив как эквивалент болгарского придаточного с *човек*_{об}:

(12) а. *И все пак, ако се замисли по-дълбоко човек, каква новина е това? 'И все же, если вдуматься, какая это, собственно, новость?' [3]*. б. *За да я види човек, трябва да бъде или поет, или луд – каза Бенц. 'Чтобы увидеть Лорелею, надо быть поэтом или безумцем, – ответил Бенц' [9]*.

2.1.4. Независимый инфинитив. Несмотря на широкий круг функций независимого инфинитива в русском языке и его широкие модальные возможности, он почти не используется для перевода *човек*_{об}. Единственная конструкция с независимым инфинитивом (в качестве синтаксической вершины), которая может выступать эквивалентом высказывания с *човек*_{об}, представляет собой отрицательную инфинитивную группу с вопросительно-интенсифицирующим местоимением. Эти предложения построены как вопросительные, но функционируют как риторический вопрос. Они выражают модальность невозможности:

(13) а. *Как няма човек да жуми! 'Ну как тут не жмуриться!' [8]*. б. *После как да не вярва човек в разни суеверия и дивотии. 'Ну как после этого не поверить во всякие там чудеса и суеверия' [3]*.

2.1.5. Двуйнфинитивные конструкции. Двуйнфинитивные предложения соответствуют болгарским связочным предложениям с *да*-конструкцией в позиции и подлежащего, и сказуемого. В русском языке в двуйнфинитивных предложениях запрещена постановка связочного *быть* в какой бы то ни было форме (Падучева 2018), но при этом в обоих языках допустим ограниченный набор местоименных связок, в частности сравнительная (рус. *все равно что*, болг. *все едно да*):

(14) *След това премеждие да се качи човек трезвен в самолета, все едно да умира втори път. 'После всех этих событий садиться в самолет трезвым – все равно, что второй раз умирать' [3]*.

2.1.6. Среди иных, более редких способов перевода с использованием безличных или неагентивных моделей, отметим предложения с экзистенциальными предикатами, сообщающими о наличии/возникновении неконтролируемых событий и состояний, напр. (15), а также единично другие средства, напр., безличное предложение с предикатом ментального состояния *човек не знае* 'неизвестно'. В РБПК зафиксированы также параллели типа *да се чуди човек как* 'непонятно, как', *човек би казал, че* 'казалось, что' и др.

(15) *Човек добива странно то чувство, че и от лазура на небето лъха рибена миризма. 'Возникало даже странное ощущение, будто и от небесной лазури тоже исходит запах рыбы' [8]*.

2.2. Формы 2 л. глаголов и местоимений с обобщенным значением.

Формы 2 л., хотя и являются ядерным средством выражения обобщенно-личного значения, но встречаются как способ перевода *човек_{об}* значительно реже. Этот показательный факт свидетельствует о том, что высказывания с *човек_{об}* и высказывания с формами 2 л. не являются близкими синонимичными конструкциями, возможно потому, что характерная для форм 2 л. инклюзивность (включенность говорящего) не выражена в высказываниях с *човек_{об}* с той же очевидностью.

Формы 2 л. глаголов и личных местоимений фиксируются, в основном, при переводе устойчивых выражений, что соответствует наблюдениям А. Николовой о большей представленности в русском языке форм 2 л. при передаче сентенций, пословиц, поговорок (Николова 2006: 178–179), ср. из нашего материала:

какво да се прави – что поделаешь

като си помисли човек – просто диву даешься

както и да го погледне човек – что ни говори

човек не може да избяга от съдбата си – от судьбы не уйдешь

Другие типы конструкций со 2 л. выбираются переводчиками реже. Форма *не поколотишь* 2 л. с отрицанием при глаголе совершенного вида (16) выражает невозможность (алетическую модальность), что характерно как для 2 л. в обобщенно-личном значении (Булыгина, Шмелев 1997: 348; Падучева 2012: 37), так и для болгарских высказываний с *човек_{об}*:

(16) *Жена му не беше като тукашните, които човек можеше да набие. ‘Жена его не такая, как здешние женщины, ее не поколотишь’ [10].*

В примере (17) использование в русском переводе формы 2 л. мн. ч. *прикажете* усиливает контрастный стилистический эффект (*чем прикажете надираться*) – тот же эффект, который создается в болгарском оригинале глаголом *наливам се* в контексте генерализации, привносимой *човек_{об}*.

(17) *Но с какво друго да се налива човек в тоя закъснял час? ‘Но чем прикажете надираться в такой поздний час?’ [1].*

Отметим также формы 2 л. ед. ч. квазимператива (транспозицию императива), выступающего как подчиненная часть сложного предложения с условной семантикой:

(18) а. *Ако ви каже човек да запалите, трябва непременно да видите дъното на пакета. ‘Разреши вам курить – и вы не остановитесь, пока не опустеет вся пачка’ [7]. б. А бе знам аз, влезе ли човек веднъж. ‘Ну да, знаю я, туда только войди’ [3].*

2.3. Неопределенные (в широком смысле⁷) местоимения.

Наш переводной материал представляет 2 серии местоимений как эквивалентов *човек_{об.}*: вопросительное (19а,б) и отрицательное (19в) в значении неопределенных:

(19) а. *Тия типове човек не може да ги разбере. 'Кто их разберет, этих ученых' [3]*. б. *Изобщо – ако човек има време да се занимава с география – това е една приятна страна... 'А вообще, если у кого есть время заняться географией, Голландия – это очень приятная страна...'[5]*. в. *...и человек не би могъл да помисли, че в жилите на дедите му някога е текла дори капка селска кръв. '...никто бы и не подумал, что в жилах его предков могла быть хоть капля крестьянской крови' [8]*.

2.4. Лексема человек как переводной эквивалент *човек_{об.}*

Лексеме *человек* в употреблении типа (20) обычно приписывают родовую референцию. Но по крайней мере для ряда примеров родовая трактовка является менее предпочтительной, чем, например, универсальная (с подразумеваемым квантором 'всякий', 'любой', 'кого ни возьми'), поэтому данные случаи мы также включили в рассмотрение:

(20) *Всъщност човек лесно печели тогава, когато печалбата му е безразлична. 'В сущности, человек легко выигрывает в тех случаях, когда выигрыш для него безразличен' [4]*.

Для уточнения соотношенности болг. *човек_{об.}* и рус. *человек* полезным оказались результаты второй выборки, где исследовались условия, провоцирующие появление в болгарском переводе *човек_{об.}*. Как отражено в Таблице 1, не обнаружено случаев, когда *човек_{об.}* появляется в болгарских переводах как соответствие рус. *человек*. Это означает, помимо факта сложной дифференциации референциальных объемов родового и обобщенно-личного употреблений, что русские переводчики (см. первую выборку из БРПК) не всегда полностью осознают семантический объем и грамматическую специфику обобщенно-личного употребления *човек* и часто при переводе с болгарского на русский злоупотребляют лексемой *человек*, в то время как требуется использование других средств обобщенности.

Приведем примеры неудачных переводов из БРПК десемантизированного *човек* с помощью русской лексемы *человек*. Это ошибки двух типов:

1) лексема *човек* толкуется русским переводчиком как имеющая родовую референцию, т.е. обозначающая типичного представителя человеческого класса; так, в следующем примере перевод *човек_{об.}* с помощью родового *человек* ведет к неуместному противопоставлению *профессора* и *человека*: (21)

⁷ В современной лингвистике к неопределенным местоимениям относят не только единицы, которые русская и болгарская грамматическая традиция называет неопределёнными, но и употребления вопросительно-относительных местоимений в функции неопределённых (ср. рус. *Кто их разберет!*), а также такие, которые традиционно включаются в число отрицательных (серия на *ни-*).

Погледнеште ли човек в очите на професора, изпитваше болезнено чувство на опарване, разбира се, душевно. ‘Взглянув в глаза профессора, человек испытывает болезненное ощущение ожога – не физического, разумеется, а душевного’ [8];

2) употреблением рус. *человек* переводчик задает неправильный объем денотатов, с которыми соотнесена болгарская лексема *човек*. Так, в примере (7), который мы уже приводили в разделе 1.3.2, выражена генерализация ощущений, относящаяся не к любому человеку, как это следует из русского перевода, а, вероятнее всего, к классу мужчин, включая прежде всего говорящего: (7) *Ти си тъй предизвикателна в тоя тоалет, че просто изкушаваш човек да го попила. ‘У тебя такой вызывающий вид в этом платье, что человеку трудно удержаться от искушения потрогать тебя’ [5].*

Использование других средств обобщенно-личности, напр., 2 л. для примера (21) и устранение дативной формы *человеку* в примере (7), позволило бы переводчику избежать референциального диссонанса, когда он не задан в болгарском оригинале.

3. Анализ результатов и выводы

3.1. Как показывает анализ переводческих решений, модально-инфинитивные конструкции (см. 2.1.1) являются основным и функционально наиболее близким эквивалентом болгарских предложений с *човек_{об}*, т.к. их подразумеваемый субъект (как в модальной части, так и в инфинитивной), будучи невыраженным, может пониматься обобщенно-лично (Тестелец 2001: 288): ‘всякий человек, в том числе и я/говорящий’.

То же касается и конструкций с предикативами состояния и оценки, вводящими инфинитивную группу на месте болгарского придаточного с *човек_{об}*, см. 2.1.2. Эта функциональная эквивалентность обеспечивается тем, что при безличных предикативах состояния невыраженный дативный субъект может получить как конкретно-референтную, так и обобщенно-личную трактовку (Падучева 2012: 38), что читатель соотнесет и с невыраженным субъектом подчиненного инфинитивного оборота. Более того, поскольку предикативы внутреннего состояния обычно автореферентны (Циммерлинг 2019), *човек_{об}* способен указывать в конструкциях с такими предикативами наибольшую степень включенности говорящего:

(22) *Просто страшно е да я гледа човек.* ‘Просто страшно смотреть на нее’ [7] (мне, как и любому другому в такой же ситуации).

Невыраженность субъекта в русском переводе и наличие *човек* в болгарском оригинале – это сопоставимые способы, который использует говорящий для того чтобы, выражая свои эмоциональные переживания и оценки, представить их как разделяемые широким кругом адресатов.

3.2. Насколько синонимичны высказывания с *човек_{об}* и формы 2 л. с обобщенным значением? Для ответа на этот вопрос необходимо проводить

масштабное исследование, оценив место этих средств в общей системе обобщенноличности в каждом конкретном языке и в межъязыковом сопоставлении.

Предварительно на основании нашего материала можем лишь отметить, что слабая представленность форм 2 л. как эквивалента болгарского *човек_{об}* свидетельствует о том, что различие между этими средствами гораздо более значительное, чем можно было предполагать. Основной причиной является гораздо более высокая степень инклюзивности говорящего при формах 2 л.: это «способ выразить мнение, которое, оставаясь собственностью говорящего, представлено таким образом, чтобы оно могло быть разделено и присвоено другими» (Зализняк 2012: 527). В референцию 2 л. может входить даже сам говорящий либо говорящий в том или ином соотношении со множеством других людей (Князев 2014; Зализняк 2012).

Референциальная характеристика *човек_{об}* всегда, по умолчанию, шире, допуская абстрактное множество денотатов – ‘всякий человек, включая и говорящего’. Если мы и обнаруживали случаи отнесенности *човек_{об}* к говорящему (повествователю), то они всегда имели существенную контекстуальную поддержку, причем такое переключение референции с конкретного говорящего на *човек_{об}* в рамках одной синтаксической конструкции, как правило, создает (случайно или намеренно) некоторый референциальный диссонанс, см. примеры (8), (9).

В отдельном исследовании нуждается и синтаксис высказываний, допускающих обобщенные формы 2 л. или *човек_{об}*. Наблюдения над имеющимся материалом позволяют отметить, что высказывание с *човек_{об}* обычно одиночное (максимум имеет форму сложного предложения), встраивается в перволичное или третьеличное повествование, представляя собой генерализацию личного опыта говорящего (повествователя), высказанную, как правило, по конкретному поводу. Хотя этот последний факт сближает их с обобщенно-личными формами 2 л., которые «возможны только в том случае, когда в содержании предложения одновременно представлены и конкретные обобщаемые ситуации, и само обобщение» (Булыгина, Шмелев 1997: 348), все же нарративные функции форм 2 л. гораздо шире. Формы 2 л. универсальны при построении самых разных по структуре и объему высказываний с обобщенно-личным значением, в частности и потому, что они допускают вариации глагольных и местоименных форм, в том числе в косвенных падежах и в притяжательных формах, ср. сокращенный пример из (Николова 2006: 177): ... *Можеш да излезеш [от музея] и след час <...> Твоя работа. Вхoдът е безплатен, но това е примамка. Влезеш ли веднъж вътре, ще ти приберат някой и друг долар* (Г. Данаилов).

Для *човек_{об}* не только синтаксическая позиция ограничена подлежащей, но и практически невозможен повтор этого подлежащего в последующем контексте, хотя и допускается коассигнация – местоименное замещение не-

референтного antecedента. Это свидетельствует как раз о некоторой грамматикализации *човек_{об}* (а также, заметим, и о его отличии от родового *човек*). Поэтому часто для продолжения развернутой мысли писателю приходится прибегать к помощи форм 2 л. или к другим конструкциям с обобщающим значением, см. об этом и в (Велева 1988: 46–47).

В такой же ситуации находится и русский автор-повествователь и переводчик, когда пользуется, например, безлично-инфинитивной структурой. Продолжать сложную синтаксическую конструкцию в безличных формах не всегда возможно, поэтому осуществляется переход к другим средствам, как в примере (23) – к форме 2 л.:

(23) *Не може току-тъй човек да обиди шивача си, особено ако държи да е добре облечен.* ‘Обижать своего портного, особенно если хочешь (2SG) быть хорошо одетым, нельзя’ [1]. Ср. малопримлемое придаточное с инфинитивом: *Обижать своего портного, особенно если хотеть быть хорошо одетым, нельзя.*

3.3. Проблема дифференциации *човек_{об}* и родового употребления *човек* (как и рус. *человек*) еще требует и теоретических обоснований, и разноаспектного анализа контекстов. Наши наблюдения показывают, что, если предикация с *човек* включена в синтаксический контекст с конкретными актантами, толкование *човек* как имеющего родовое значение (‘типичный представитель класса’) блокируется, и в таком случае *човек* может быть понято только в обобщенно-личном значении (24а). Для вычленения *човек_{об}* остаются в силе и линейно-коммуникативные особенности обобщенного-личного *човек*, выделенные Московской-Еленской (см. раздел 1.2), пример (24б):

(24) а. *Човек не може да се отърве от нахалници. Едва отпратих един, то ти втори.* ‘Спасения нет от нахалов. Не успела избавиться от одного, а тут уже другой’ [5].

б. *Пфу... – изпъшка тя, – и страницата не може да си прочете човек.* ‘Уф, – огорченно вздохнула она. – Даже почитать спокойно не дадут’.

Поэтому в русских переводах предложений типа (24) мы встречаем любые из средств выражения обобщенноличности, но не рус. *человек*. Те случаи, когда в подобных контекстах переводчик все же выбирает лексику *человек*, высказывание становится неуместным (см. выше примеры 7, 21).

Дальнейшее изучение свойств болгарских предложений с *човек_{об}* и их соответствий в других языках является важным для решения целого ряда лингводидактических задач, связанных с устройством болгарского предложения и способами выражения в нем подлежащего, в том числе и с неконкретной референцией⁸.

⁸ Исследование осуществляется в рамках проекта № 17-04-00444 при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

(<http://rbcorpus.com/index2.php>, <http://ruscorpora.ru/search-para-bg.html>)

- [1] Павел Вежинов. Барьерата. – Барьер. Пер. М. Тарасова.
- [2] Павел Вежинов. Белият гушер. – Белый ящер. Пер. Л. Лихачева.
- [3] Павел Вежинов. Нощем с белите коне. – Ночью на белых конях. Пер. Л. Лихачева.
- [4] Богомил Райнов. Голямата скука. – Большая скука. Пер. А. Собкович.
- [5] Богомил Райнов. Няма нищо по-хубаво от лошото време. – Что может быть лучше плохой погоды. Пер. А. Собкович.
- [6] Богомил Райнов. Денят не си личи по заранта. – Утро – еще не день. Пер. С. Никоненко.
- [7] Богомил Райнов. Тайфуни с нежни имена. – Тайфуны с ласковыми именами. Пер. А. Собкович.
- [8] Андрей Гуляшки. Последно приключение на Авакум Захов. – Последнее приключение Аввакума Захова. Пер. Л. Баш
- [9] Димитър Димов. Поручик Бенц. – Поручик Бенц. Пер. Д. Марков.
- [10] Димитър Димов. Тютюн. – Табак. Пер. И. Марченко, А. Собкович.
- [11] Виктор Суворов. Контроль. – Контрольт. Пер. Б. Мисирков.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко 1991: Бондарко, Александр. Семантика лица. – В: *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, 1991, с. 5–40.
- Булыгина & Шмелев 1990: Булыгина, Татьяна, Алексей Шмелев. Синтаксические нули и их референциальные свойства. – В: *Типология и грамматика*. Москва, 1990, с. 109–117.
- Булыгина & Шмелев 1997: Булыгина, Татьяна, Алексей Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки русской культуры, 1997.
- Велева 1988: Велева, Мая. Към въпроса за обобщено-личните изречения – В: *Помагало по синтаксис на българския език*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 1988, с. 42–49.
- Зализняк 2012: Зализняк, Анна. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология – В: *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. Москва: Языки славянской культуры, 2012, с. 24–40.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: Золотова, Галина, Надежда Онипенко, Марина Сидорова. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: МГУ, 1998.
- Князев 2014: Князев, Юрий. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица. – *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 10, ч. 3, 2014, с. 324–340.
- Москова-Еленска 1978: Москова-Еленска, Виолета. Конструкции с десемантизированного съществително човек в българския език. – *Български език*, 1978, кн. 2, с. 128–136.
- Николова 2006: Николова, Анна. О способах выражения обобщенности лица в русском и болгарском языках. – В: *Аспекты контрастивного описания русского и бол-*

- гарского языков*, вып. 2. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2006, с. 163–204.
- Падучева 1985: Падучева, Елена. *Высказывание и его соотнесённость с действительностью*. Москва: Наука, 1985.
- Падучева 2012: Падучева, Елена. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект. – *Вопросы языкознания*, 2012, № 1, с. 27–41.
- Падучева 2017: Падучева, Елена. *Конструкция с независимым инфинитивом, 2017*, http://rusgram.ru/Конструкция_с_независимым_инфинитивом, дата обращения 31.08.2019.
- Падучева 2018: Падучева, Елена. *Инфинитив, 2018*, <http://rusgram.ru/Инфинитив>, дата обращения 31.08.2019.
- Тестелец 2001: Тестелец, Яков. *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ, 2001.
- Циммерлинг 2019: Циммерлинг, Антон. Автореферентность и классы предикативных слов. – В: *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. Санкт-Петербург, 2019 (в печати).

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИ РАКУРСИ

Българска
Първо издание

Съставители
Димитър Веселинов
Милена Йорданова

Редактор
Гергана Борисова

Дизайн на корицата
Антонина Георгиева

Предпечат
Иво Ников

Формат 70x100/16
Печатни коли 44,5

Университетско издателство „Св. Климент Охридски“
www.unipress.bg